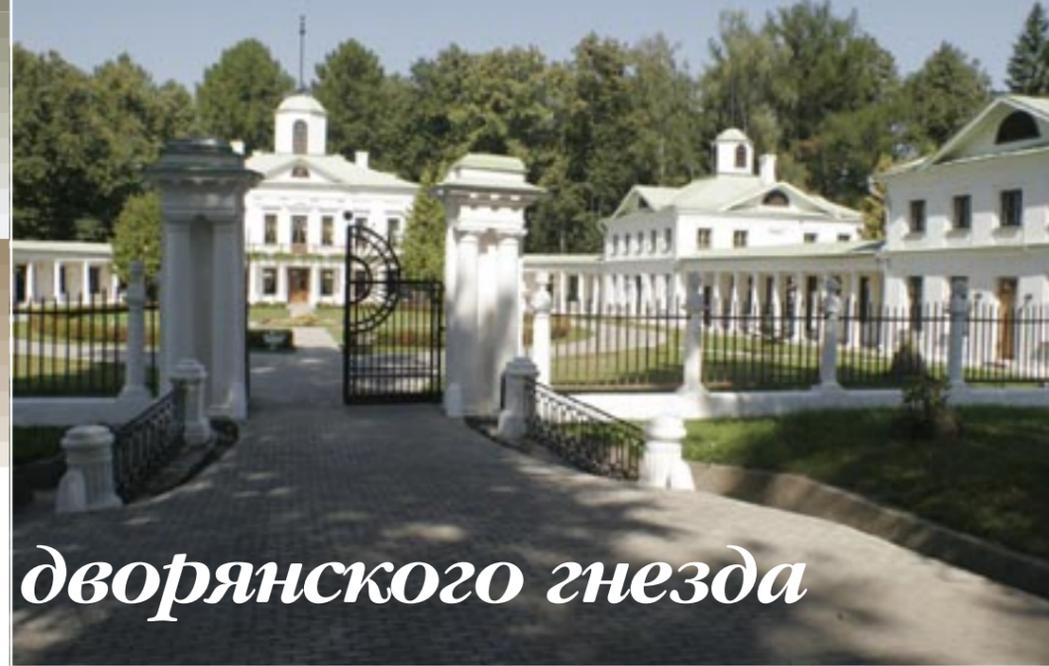

Лия Осипова

Среди набросков и заметок Михаила Юрьевича Лермонтова есть одна, озаглавленная «Мое завещание». Она сделана в Середникове в 1830 году. Поэт просит похоронить его под сухой яблоней: здесь он был счастлив; и на могильном камне ничего не писать: «если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие».

Возвращение дворянского гнезда

Ворота распахиваются

Середниково находится недалеко от Москвы. От станции Фирсановка Октябрьской железной дороги нужно проехать на автобусе, маршрутке или пройти пешком четыре километра. Спрашивая дорогу, надо говорить, что вам в усадьбу Лермонтова, иначе вы можете оказаться в деревне Середниково, а она от усадьбы на значительном расстоянии.

Может оказаться, что усадьба встретит вас старинными коваными воротами на запоре и неумолимым охранником в камуфляже, который объяснит, что о посещении нужно было договариваться предварительно, позвонив по телефону или узнав через

Почти целое столетие, начиная с 1918 года, когда усадьба была национализирована, она была трудно доступна для посещения. (До войны здесь размещался партийный горьковский санаторий для нервных больных, а после войны — туберкулезный санаторий «Мцыри».) Внутри не войти, но можно было посмотреть через решетку на белый дом, пройти вдоль забора и увидеть фасад дома с двумя ротондами и лестницу, которая от дверей дома спускается к пруду по крутому склону к пруду.

Красиво, но хотелось быть подалее от этого места, где в самом воздухе было что-то болезненное.

А теперь вас ослепляет белизна только что отреставрированных зданий, громадный цветник по всему парадному двору и звенящая тишина... Сначала дом кажется очень скромным: колоннада невысокая, на высоту первого этажа до балкона, бельведер обыкновенный, без затей. Потом понимаешь, что смотреть нужно все в целом, весь ансамбль из дома и четырех флигелей. Колоннада главного дома соединяет все здания, и простота их фасадов кажется значительной; каждый из флигелей тоже увенчан бельведером. Классицизм в каком-то непарадном варианте.

Интернет дни и часы экскурсий. Середниково — частный музей-заповедник. Здесь свои порядки.

Если же вас встречают и ворота распахиваются, считайте, что вы делаете первые шаги в неизведанное.

Без торжественного противостояния окружающему. И это располагает, притягивает, рождает чувство спокойствия и защищенности. Когдаходишь в главный дом, это чувство усиливается. Трудно понять, отчего это

происходит. Подлинное убранство дома не сохранилось, и внутренняя планировка, по-видимому, менялась. Но сохранился сам дух усадьбы. Здесь уютно. А эффектная громадная овальная столовая с окнами, распахнутыми в сад, приглашает задержаться.

И невольно возникает мысль, что в этой старинной усадьбе, построенной в XVIII веке, юный Лермонтов не мог не быть счастлив. Трудно представить, что здесь кто-то мучился и страдал...

Живая усадьба

Я беседую с главным реставратором и архитектором усадьбы Натальей Борисовной Панковой, рассказываю о своих первых впечатлениях, и она живо откликается:

— Да, здесь, в Середникове, особая энергетика, особая атмосфера. Постороннему человеку объяснить трудно. Я лично называю это чувством живой усадьбы. У этого чувства несколько оснований вполне материального свойства. И первое — то, что усадьба уникальна по своей сохранности. Сейчас восстановлено шесть зданий из шестнадцати; многое еще предстоит. Самое главное — здесь есть что восстанавливать. Сохранился и парк: в сущности, это лес по склону холма, в котором проложены дорожки, но он и был задуман как английский ландшафтный парк. Внизу холма была устроена система прудов. Из них уцелел только один с живописными островами. Уцелели и реставрируются три каменных мостика. Они все очень романтичны, особенно трехарочный мост с небольшими колоннами и красивыми решетками между каменными столбами парапета.

В XVIII, да и в XIX веке, русская усадьба была не жилищем, а неким микрокосмом. Это был уникальный

культурный мир. Только теперь мы понимаем, как много он значил для русской культуры.

— Правда ли, что усадьбу строил архитектор Старов?

— Так предполагают. Возможно, не сам Иван Евгеньевич Старов, а по его чертежам. Но очень важна личность того, кто задумывал строительство. Это был екатерининский вельможа, действительный тайный советник и камергер, сенатор Всеволод Алексеевич Всеволожский. Он начал строить усадьбу в 1775 году, перенес место расположения господского дома из деревни Середниково вот на этот холм, под которым течет речка Горетовка. Я очень мало знаю о Всеволожском, но мне представляется, что он был не только европейцем по образованию, но и человеком с утонченным вкусом. Он выбрал проект Старова, где нет ничего эпатажного,

потолков и дверей. И соотносительности с окружающим пейзажем. Найден союз искусства и природы. Вот почему здесь приятно, вот почему и возникает чувство живой усадьбы.

— Важна, по-видимому, и счастливая судьба усадьбы, позволившая ей сохраниться до наших дней...

— Конечно, у нее была счастливая судьба. В 1825 году имение было куплено Дмитрием Алексеевичем Столыпным, генерал-майором, родным братом бабушки Лермонтова Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Правда, он вскоре умер, и хозяйкой стала его жена, Екатерина Апракseeвна Столыпина. Она-то и пригласила бабушку Михаила Юрьевича и его самого погостить в Середникове. Они жили здесь в летние месяцы 1829–1832 годов. Лермонтов в это время кончал московский Университетский благородный пансион и начал учиться в Университете. В субботние и воскресные дни в Середникове собиралось много молодежи — двоюродные, троюродные сестры и братья. Екатерина Апракseeвна была гостеприимна, слыла хорошей музыкантшей. Судя по воспоминаниям, все здесь чувствовали себя как дома, запретов особых не было.

— Здесь прошло и детство нашего будущего реформатора Петра Аркадьевича Столыпина?

— Да, это начало 60-х годов позапрошлого века. А в 1869 году Столыпина вынуждены были продать имение, оно перешло в руки купеческого семейства Фирсановых. Последней владелицей была Вера Ивановна Фирсанова. О ней хочется сказать только доброе. Да, ей хотелось придать дому современный облик. Для этого были необходимы переделки, но они достаточно тактичные. Модерн удачно сочетается с классической простотой. Вера Ивановна благоговела перед

памятью Лермонтова: плафон концертного зала расписан по мотивам «Демона»; под окнами дома был воздвигнут гранитный обелиск в честь поэта.

— Не выполнила ли она тем самым завещание Лермонтова?

— Едва ли мы это узнаем. Она эмигрировала в 1918 году, ничего из имения не вывезла. По рассказам, до самой войны в фирсановских пролетках и каретах возили со станции больных.

Разорение началось четверть века назад. Среди больных туберкулезного санатория было много работавших ээков. Я пришла сюда работать в 1982 году. На моих глазах пропала каминная решетка, в подвале гнил роскошный дубовый бильярд...

— Вы немало делали, чтобы остановить окончательное разорение. Я помню публикации в «Нашем наследии», в газетах; кажется, и Лихачев об этом хлопотал.

— А все решила открывшаяся возможность приобретения усадьбы в частную собственность. Когда у дома есть хозяин, он начинает жить.

Потомок

Нынешний хозяин Середникова — полный тезка поэта, Михаил Юрьевич Лермонтов, физик-ядерщик и предприниматель, потомок, но не по прямой линии. Он не единственный из тех, кто пытается вернуться в родовое гнездо, усадьбу предков. Его попытка, его путь считается самым успешным: нет закона о возвращении собствен-

ности, нет, естественно, и самого механизма возвращения. Михаил Юрьевич продумал стратегию. В 1991 году по его инициативе образуется Ассоциация «Лермонтовское наследие», соединившая ныне здравствующих

никаких украшательств и желания поразить воображение. Проект, рассчитанный на единственную жизнь большой семьи. В простоте угадывается гармония. Все дело в пропорциях карнизов, окон, колонн, высоты

членов из рода Лермонтовых. Михаил Юрьевич становится президентом. Между администрацией Московской области и Ассоциацией заключается договор аренды усадьбы на 49 лет. Изыскиваются средства для реставрации имения; в последние годы удалось получить статус частного музея-заповедника (второго в России, первый — «Ясная поляна»).

Успешность Михаила Юрьевича, надо думать, и в личной увлеченности. В одной из комнат главного дома усадьбы он показывает фотографии, сделанные во время поездки в Шотландию, на родину предков. Потомок заболел своей родословной. Болезнь

на стороне поляков, потом перешел к русским, отличился, получил вотчину, от него и пошли Лермонтовы.

А наш Михаил Юрьевич, отправившись в Шотландию, встречался с ныне здравствующими потомками Томаса Лермонта, нашел руины замков Дарси и Балькоми, где жили Лермонты. В Балькоми в XVI веке жил предок Джорджа Байрона, королевский адвокат Гордон, женой которого была Маргарет Лермонт, то есть Лермонты породнились с Байронами. Великого шотландца Томаса Лермонта Байрон тоже считал своим предком. По рассказам, в Середникове Лермонтов не расставался с толстым то-

мом биографии Байрона на английском. У него был англичанин-гувернер, и на английском он читал свободно. Его поразили совпадения в чувствах, характере, даже предсказаниях судьбы. «У нас одна душа, одни и те же муки; О, если б одинаков был удел!»

Были ли счастливы Лермонтовы?

В Середникове поэт много писал: драмы, поэмы, стихотворения. Всё в романтическом роде. Дневников не вели или они до нас не дошли. Но вот интересно: в черновиках стихотворений сохранились примечания, сделанные

его рукой. Он пишет название — «Желание», а затем в скобках: (Середниково; вечер на бельведере; 29 июля); «Завещание» (Середниково: ночью; у окна); «7 августа» (В деревне на хол-

ме; у забора). Стихи как дневник. Но напрасно мы стали бы искать в поэтических строчках отражение обычного течения жизни в усадьбе, отношение поэта к окружающим его лицам, событиям. Романтическая поэзия вся в отторжении от реальности. Забравшись на бельведер, поэт видит открывающуюся перед ним панораму: в вечерней дымке пруд, деревня на холме, лес. Но воображение рисует ему совсем другую картину: замок предков в туманных горах, где на стене наследственный щит и заржавленный меч, и звук шотландской арфы под сводами. И горький вывод: «Я здесь был рожден, но нездешний душой...»

Вот почти шутовское примечание: «Середниково. В мыльне, ночью, когда мы ходили пугать попа». Но ничего шутовского в тексте. Поэт с товарищем чего-то ждет в старинной комнате при свете фонаря. Они вооружены: «В стволе свинец, на полке порох»... Ни мертвец, ни бес, ничто не может напугать, тем более что на груди хранится талисман: «он освящен твоей рукой». Трудно представить, что попа ходили пугать, вооружившись. Да и было ли у юношей настоящее оружие?.. Сохранился рассказ кузена Алексея Столыпина. Он вспомнил, как в Середникове ходили в глухие места воевать с духами самодельными мечами и копьями. «Особенно привлекали воображение развалины старинной бани, кладбище и так называемый «Чортов Мост».

После стихотворения «Дереву» в заметке «Мое завещание» поэт на-

наследственная. Именно в середниковский период юноша Лермонтов не только размышлял о своих предках, посвящая им стихи, он, если верить «Лермонтовской энциклопедии», занимался поисками. По языковым признакам он производил свою фамилию от испанского Legma или шотландского Learmonth. Известно, что Томас Лермонт по прозвищу «Рифмач» жил в Шотландии в XIII веке, считался зачинателем шотландской литературы. Ему посвятил свою поэму Вальтер Скотт. А испанец? Существует версия, что Лермонтов обращался с запросом в Мадридский архив. Он несколько раз рисовал портрет своего испанского предка: в высоком гофрированном воротнике со страдальчески сдвинутыми бровями. Узнал ли Лермонтов о том, что испанский герцог не имел никакого отношения к роду Лермонтовых, неизвестно, но с 1836 года он стал подписываться не «Лермантов», как раньше, а «Лермонтов». Про шотландского предка Георга Лермонта ему рассказывал отец, Юрий Петрович. Он знал, что в Смутное время Лермонт в качестве наемного солдата оказался в России, сначала сражался

писал: «Я любил под ним (этим деревом. — Л. О.) и слышал волшебное слово люблю, которое потрясло судорожным движением каждую жилу моего сердца. В то время это дерево, еще цветущее, при свежем ветре покачало головой и шепотом молвило: безумец, что ты делаешь?..» А на следующий год дерево засохло, и поэт просит себя похоронить под ним. Исследователи считают этот комментарий не фантазией, а реальным событием и расшифровывают имя девушки. Это Аннет Столыпина, кузина поэта, его первая любовь. Но перекличка с Байроном очевидна. Еще ребенком Байрон посадил в своем поместье дубок и загадал на нем, дерево засохло, и Байрон написал стихи: «Я надеялся, что твои дни будут больше, чем мои». И на будущем могильном камне просил указать только свое имя. Так, значит, подражание? По всей видимости, реальность соединилась с

вымыслом и нельзя понять, где вымысел, а где реальность. Маска байронического героя становится собственным лицом поэта. А может быть, действительно имело место поразительное совпадение в чувствах, способе восприятия мира? На всю жизнь остались контрасты и притяжение понятий: счастье — смерть; любимые слова: страдания, страсть, мука... И чувство «нездешности»...

Вот кто вел дневник в Середникове, так это Екатерина Сушкова; впоследствии она издала «Записки» (они переизданы в прошлом году издательством «Захаров»). Имение Сушковых было неподалеку, и по воскре-

сении судья, а мы, чтобы подразнить его, в ответ подадим вола или веревочку, уверяя, что по его летам ему свойственнее прыгать и скакать, чем прикидываться непонятным и неценным снимком с первейших поэтов».

Сушкова приводит разговоры с Лермонтовым. По всей видимости, они придуманы. Стихи же его, которые она выстраивает в некой хронологической последовательности, кажутся убедительным дневником чувств. От нежных признаний к жестоким угрозам, которые диктует обида, к предчувствиям своего ожесточения и одиночества, и снова призна-

сением она приехала в Середниково к ранней обедне и оставалась на весь день. Она была на два года старше Лермонтова, уже начала выезжать в свет, хороша собой, остра на язык. Мать Сушковой переводила Байрона, семья была литературная. И хотя Лермонтов не влюбился или ему казалось, что не влюбился, он стал посвящать ей стихи. Он определил ее своей Музой. Через десятилетия после смерти поэта она опубликовала двенадцать стихотворений, записанных в ее альбоме, среди них хрестоматийные «По небу полночи», «У врат обители святой». Сушкова каялась, что относилась к Лермонтову как к мальчику, что бесило его до крайности: «Бродит, бывало, по тенистым аллеям и притворяется углубленным в размышления, хотя ни малейшее наше движение не ускользало от его зоркого взгляда. Как любил он под вечерок пускаться с нами в самые сентимен-

ния: «... Я все забыть тебя не мог, Так храм оставленный — всё храм, Кумир поверженный — всё Бог». Потом в Петербурге, когда отношения возобновились, Лермонтов скажет, что не любил Сушкову, оправдывая ту намеренную, расчетливую жестокость, которые проявил к ней, расстроив ее брак с Лопухиным, влюбив ее в себя и бросив. Это загадочная история, ставшая сюжетом «Княгини Лиговской» и отчасти «Княжны Мэри». Тем не менее представить себе, что он был неискренним в альбомном цикле, — трудно.

Мифология окрестила Сушкову Музой Середникова. Экскурсоводы обязательно рассказывают, что вот здесь, на этом парадном дворе, она, катаясь на лошади, встряхнула головой и рассыпала прическу. А волосы были у нее до пят. Мишель при этом усмехнулся: «Какое кокетство!»

Фото
Владимира Луповского